

А. А. Богданов

Курс политэкономии

Том 2. Эпоха торгового капитала

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
А11

А11 **А. А. Богданов**
Курс политэкономии: Том 2. Эпоха торгового капитала / А. А. Богданов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 191 с.

ISBN 978-5-458-48486-2

ISBN 978-5-458-48486-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ.

В отделе, посвященном средневековому ремеслу, мы имели дело преимущественно с той частью городского населения, которая в ходе развития отдифференцировалась от крестьянства феодальной деревни. Производственная техника, задачи хозяйствования и общая организация ремесла, особенно на первых ступенях его развития, сохраняли многие черты родства с соответствующими отношениями средневековой деревни.

Теперь нам предстоит обратиться к изучению экономических отношений, в центре которых стоит другая основная часть населения средневекового города,—патрицианские роды, или, просто, патрициат. Тесно связанный при своем возникновении с феодальной усадьбой, а следовательно, и с землевладельческим производством, патрициат в ходе развития все более отрывался от феодального производства. В его экономической деятельности типичные черты сеньера (или министраля, его заместителя и уполномоченного), организатора производственных отношений деревни, постепенно ступеньвались перед характерными особенностями купца, организатора торговли товарами, или ростовщика, организатора торговли деньгами. Главный базис его существования переносился из области земледельческого производства в область обмена. Рента, первоначально основная форма его доходов, постепенно оттеснялась на задний план барышами от купеческих и ростовщических операций. И в той самой мере, как это происходило, от феодальной собственности обособлялась капиталистическая собственность: то имущество, с которым городской патрициат ведет торговые операции, превращалось в капитал.

Возникновение торгового капитала можно было бы изобразить в такой упрощенной схеме. Представим себе, что весь средневековый мир состоит только из двух стран—Востока и Европы, т.е. устраним на время усложняющее постановку вопроса разделение Востока и Европы на многочисленные экономически автономные области. В распоряжении сеньеров Востока и Европы сосредоточиваются огромные массы прибавочного продукта, извлекаемого из зависимого населения. При разнородности этих продуктов, военно-моновые походы между обеими странами с течением времени давали начало более постоянной и урегулированной торговле. От скюзеров, необходимых организаторов обмена на его первых ступенях, эта функция постепенно перехо-

дила к сравнительно мелким сеньерам и министералам. Они поселялись в намечающихся центрах интернациональной торговли, развивающихся в торговые города. Их исключительной функцией становилось перераспределение между сеньерами Востока и Запада того прибавочного продукта, который те и другие извлекали из окрестного населения: из подданных, из рабов, из феодальнозависимых и крепостных крестьян, из случайных жертв военных набегов. Эти торговые посредники все более отходили от непосредственного участия в извлечении прибавочного труда из феодальных производителей. Та доля перераспределяемого прибавочного продукта, которую им удавалось удержать у себя за свои торговые функции, составляла единственный источник их существования (и дальнейшего обогащения). Следовательно, по мере того, как из феодальных сословий выделялась новая профессиональная группа—купец, от ренты отщеплялась новая форма дохода—торговая прибыль.

Эта торговля была не только международной (или, по меньшей мере, межобластной) торговлей: в течение долгого времени она характеризовалась всеми особенностями колониальной торговли. Действительный обмен переплетался с односторонним завладением, с прямым или замаскированным грабежом, купец при первой возможности превращался в простого пирата, в торговом посреднике не умирал военный организатор, сеньер. Купец мало интересовался производительными отношениями той страны, в которую он приезжал. Он просто «снял сливки» с того производства, которое было организовано без него и не им.

За этой эпохой экстенсивной торговли,—когда военный захват добычи играл такую же роль, как и мирный обмен,—должен был последовать период более интенсивной эксплуатации чужих стран. Периодические посещения колоний сменялись их прочным захватом. К примитивному обмену с туземными сеньерами и к простому обложению их контрибуциями и даяниями присоединялись попытки непосредственно организовать выжимание прибавочного труда из туземных производителей. Европейцы залагали начало собственного производительного хозяйства в колониях. Торговый капитал начинал проникать в производственную сферу и создавал здесь различные убудочные формы, напоминающие то римский колонат, то самые суровые формы древнего, напр., сицилийского, рабства, и соединяющие в себе самые мрачные стороны отживающих докапиталистических и грядущих капиталистических производственных отношений.

Эволюционировал торговый капитал и в метрополии. Сначала в товар превращался прибавочный продукт, извлеченный сеньерами из зависимого населения. Переход от ренты в продуктах (натуральной ренты) к денежной ренте, вообще говоря, служил симптомом того, что торговец и сам, без посредства сеньера, начинал добираться до производителей, в первую очередь до деревенских производителей. В дальнейшем, по мере того, как разрушались основные условия существования крепкого ремесла, торговый капитал все решительнее начинал вторгаться в область

промышленного производства. Главным организатором последнего, и в особенности его отношений к рынку, становился уже не ремесленный мастер, а скупщик, подчинявший себе ремесленных мастеров и выдвигавший против них конкуренцию деревенских промышленных производителей, совершенно неорганизованных, да к тому же и задавленных крепостнической эксплуатацией.

Скупщик или развивался в недрах самого ремесла, или же выходил из рядов тех купцов, которые сначала не имели никакого отношения к производственной деятельности. Но каково бы ни было происхождение скупщика, он во всяком случае представляет переходную форму: от торгового к промышленному предпринимателю.

Такова в самых общих чертах схема развития торгового капитала и зачаточных форм промышленного капитала. При современном состоянии детальных исследований нет возможности установить все последовательные звенья развития для каждой страны, взятой в отдельности. И, пожалуй, более всего нуждается в изучении один из существенных моментов развития капиталистической торговли: тот момент, когда совершилось отеснение феодальных элементов торгово-капиталистическими, или когда городской патрициат, отпрыск родовой аристократии, феодального сословия, сменился новым, плутократическим классом: торговой буржуазией.

Однако, как бы значительны ни были пробелы, все новые конкретные исследования торговли приводят к одному результату: первым «купцом» был получатель ренты, сеньер, и лишь с выделением торговли в исключительное занятие новой обособляющейся профессии, купцов, от ренты отдифференцировалась торговая прибыль.

1. Развитие меновых отношений в средние века.

(Арабская, византийская и итальянская торговля.)

В конце первого тысячелетия нашей эры отношение между уровнем экономического развития Востока и Запада было обратным современному. На Западе перевес принадлежал более или менее замкнутому натуральному хозяйству, которое характеризуется тесным соединением земледелия с примитивной, не обособившейся от него промышленностью. На Востоке—в арабских халифатах, в Индостане, Китае—промышленность, в особенности текстильная, красивая, а также гончарная, строительная, производство мозаичных изделий и пр., достигла такого уровня, что была организована частью как «децентрализованная мануфактура», частью переходила к собственно мануфактурной организации. При возникновении меновых отношений между Востоком и Западом, Запад выступил на формирующемся мировом рынке как поставщик сравнительно грубых товаров и как производитель «сырья»: рабов, меда, мехов, пуха, хлеба и продуктов более или менее элементарных подсобных деревенских промыслов (напр., домотканые сукна, полотна). Напротив, Восток являл-

ся в первую очередь промышленным производителем, а также поставщиком более утонченных продуктов земледелия и промышленности (роскошные по материалу, работе, отделке и окраске шелковые и бумажные ткани, парча, вина, всевозможные пряности, благовонные смолы и масла, косметические и лечебные составы из них; ювелирные изделия; художественные изделия из стекла, глины и камня; благородные металлы и драгоценные камни). Для европейцев средних веков и значительной части нового времени¹⁾ Восток был тем же, чем была Англия для немцев и русских начала XIX века, или чем является теперь Запад для современного населения Балканского полуострова. Далекие, недоступные европейцам страны Востока окружались для полуварварского Запада сказочной дымкой и превратились в его воображении в страны чудес, в страны несметных сокровищ.

Арабы с большим правом, чем византийцы, могут считаться преемниками Римской империи: ее мировой мощи, ее экономической и духовной культуры. Они временно объединили под своим господством колоссальную область от берегов Атлантического океана до Аральского моря и Зондского архипелага. Меновые их отношения расширялись еще долго после того, как прекратились те грандиозные завоевательно-торговые экспедиции, которые облекались в идеологическую форму распространения ислама. Их торговые операции распространялись до центральной Азии, Китая, Индостана, нижнего течения Волги. Выступая посредниками между Западом и далеким Востоком, опираясь на собственную промышленность, они в свое время сыграли по отношению к Западу такую же роль, как в настоящее время, на высшей ступени развития, Запад играет по отношению к Азии и Африке. От их халифатов исходило революционизирующее застойных экономических отношений Европы. Арабские монеты, открываемые при раскопках в Средней Азии, европейской части СССР и скандинавских странах, до сих пор напоминают, насколько широк был размах арабской торговли. Арабские цифры, введенные в Европе с XIII в., и такие европеизировавшиеся арабские слова, как караван, арсенал, магазин, балдахин, шафран, кофе, атлас (шелковая материя), ювелир, до сих пор говорят о характере арабской торговли и о глубине ее влияния на экономические отношения средневековой Европы. О том же лишний раз напоминает «сарацинское пшено» (рис) наших старинных сказаний.

Византия и по своему географическому положению, и по относительно высокому уровню экономического развития была первой страной, которая стала играть роль торгового посредника между арабами и европейскими странами,—включительно

¹⁾ По Шульце-Геверницу („Крупное производство“, стр. 29), Индия даже в XVIII веке была, по сравнению с Европой вообще и с Англией в частности, „промышленной страной“. Но для XVIII века такая характеристика могла получиться только потому, что автор сосредоточил все внимание на текстильной промышленности, а металлы, вывозимые Англией в Индию, зачислил в рубрику „сырья“.

до киевской и новгородской областей и до Скандинавского полуострова. Константинополь, в котором сосредоточивались оброки помещиков и государственные сборы, до XIII века оставался главным центром международной европейской торговли; византийские императоры фактически были самыми крупными купцами того времени. Торговля служила для них, как и для других членов феодального сословия, в первую очередь средством реализации доходов, феодальных по своему источнику и существу: средством превращения их из одной потребительной формы в другую.

Византийская торговля дала толчок развитию итальянской, центром которой сделались сначала Амальфи на юге Италии, где итальянцы встречались с византийцами и сарацинами (арабами), а потом Венеция и Генуя. Уже с X века венецианцы добивались для себя важных торговых привилегий в Константинополе. Императоры ценили в них торговых посредников между собою и европейским Западом—Францией и южной Германией—и, зачастую в ущерб туземным купцам, оказывали им всяческое покровительство.

Это явление—своеобразный протекционизм навыворот, покровительство сюзеренов чужеземным купцам и вытекающие отсюда конфликты с местным купечеством,—с замечательным постоянством повторяется потом в новых и новых странах, едва лишь международный обмен пускает в них прочные корни. Английские короли оказывали всяческое содействие «ломбардцам» (итальянцам) и ганзейским купцам, потому что они были главными посредниками в королевской торговле шерстью. В некоторых скандинавских странах ганзейские купцы, опираясь на сюзеренов, добились исключительного по своей монопольности положения.

Причины этого явления до прозрачности ясны. Создавая монопольное положение для приезжих купцов, сюзерены и крупнейшие сеньеры стремились таким способом обеспечить монополию за собою (или за своими уполномоченными по торговле) и захватить наибольшую долю барышей от вывоза тех продуктов, которые поступали к ним из собственных вотчин или представляли дань, взимаемую с вассалов. Таким образом и примитивное торговое право раскрывает первоисточник материала, которым оперировала торговля того времени, и указывает на тесную связь ее с феодальными отношениями ¹⁾.

¹⁾ Разумеется, когда монополия чужеземных купцов упрочивалась, от нее страдали и сюзерены. Купцы во всех торговых сделках—и при покупке туземных продуктов и при продаже привозных—начинали диктовать цены. Швеция в некоторые эпохи превращалась в бессильного данника Ганзы, короли, тяготившиеся таким положением, приводились к подчинению силой оружия; торговля в таких случаях по своему характеру приближалась к колониальной торговле. Иногда,—напр., в Швеции, отчасти в Англии,—монополия доводилась до того, что вывоз известных продуктов за границу предоставлялся только иностранным купцам, а некоторые отрасли торговли превращались в королевскую регалию, передаваемую иноземцам же. Следовательно, в европейских странах, хотя и в слабой степени, наблюдались те же явления, как и в экзотических странах, где европейцы подарками привлакали на свою

Итальянские купцы могли удовлетворяться ролью зависимых от Византии торговых посредников между Востоком и Западом только в силу необходимости. При первой возможности они старались завязать собственные пиратско-торговые связи с Левантом, т.-е. островами и побережьями в восточной части Средиземного моря. Они начали прокладывать собственные обходные пути на Восток. На Черном море возникли итальянские торговые станции: Тана—при устьи Дона, Каффа—в Крыму, Синоп и Трапезунт—на южном (малоазиатском) берегу Черного моря.

«Тяга на Восток» скоро охватила и Францию. С конца X века флоты французских сюзеренов начали принимать энергичное участие в том процессе перераспределения феодальных доходов, ареной которого сделалось Средиземное море. Сначала они ограничивались пиратскими нападениями на суда итальянцев, идущие с грузами из Леванта и Византии, потом перешли к более активным операциям и начали искать точку опоры в самом Леванте. Так называли те изумительные по масштабу завоевательно-торговые экспедиции, которые приняли идеологическую форму борьбы за освобождение «гроба господня» и с которыми в известных отношениях можно поставить рядом только стремительное движение на Восток греков древности (Александр Македонский) или бурное «распространение ислама» в VII и VIII веке. Зnamenательно, что самое энергичное участие в первых крестовых походах приняли Италия и Франция, в особенности южная, а потом и Англия: страны, наиболее заинтересованные в Левантской торговле. Безучастнее всего отнеслась к ним Германия, наиболее отсталая страна, в которой феодальные отношения сохранялись в полной силе. Чисто феодальная социальная мощь духовенства оказалась недостаточной для того, чтобы развить такой интерес к завоеванию Палестины, какой в Италии и южной Франции был подготовлен торговыми связями с Востоком.

Усиление феодальной эксплуатации, которым сопровождается развитие торгового капитала, обезземеление широких масс, упадок и разорение мелкого рыцарства при одновременном росте его потребностей, порожденном развивающейся торговлей, и т. д. создавали благоприятные условия для вербовки многочисленных массовых крестоносных армий.

Перемены, совершившиеся на Востоке в первые века второго тысячелетия, поощряли наступательные действия французов и

сторону местных князьков, а потом при первой же возможности скручивали их вооруженной рукой. На первых порах для европейских, как и для варварских сюзеренов, осязательны были только выгоды монополии. Впоследствии примирению с ней содействует, между прочим, выработанная система взяток, и на первом месте среди них—займы, устранимые иноземными купцами для сюзеренов экономически отсталых, безденежных стран. Свойство этой формы взятки—разорять того, кто ее получает,—обычно раскрывается лишь после того, как полное банкротство уже разразилось. Таким образом явления международной торговли средних веков, абсурдные с точки зрения „национального“ капитализма XIX века, легко объясняются экономическим строем того времени—служебной ролью торговли по отношению к присвоителям феодальных доходов.

итальянцев. С Востока к Средиземному морю надвигались новые орды кочевников. Они перехватывали те торговые пути, по которым шла арабская и греческая торговля с восточной европейской равниной, Персией, Туркестаном, Индостаном, Китаем. Начался торговый и политический упадок Византии и арабских государств. Наступала пора, когда итальянской и французской торговле приходилось прокладывать самостоятельные пути на Восток. Византийские императоры были вынуждены обращаться к французам и итальянцам за помощью против «неверных»: сначала против арабов, позже против турок. Феодалы юго-западной Европы, более чем кто-либо другой заинтересованные в развитии Левантской торговли, совершенно естественно стали во главе европейского движения на Восток.

Историки, сосредоточивающие внимание исключительно на идеологической форме движения, с глубокой убежденностью утверждали, будто крестовые походы вообще окончились неудачей и будто удача улыбалась европейцам лишь на самое короткое время. Но с экономической точки зрения оценка крестовых походов будет прямо противоположная: в истории человечества можно указать лишь немного других грандиозных походов, которые увенчались бы таким быстрым и серьезным успехом.

Военная добыча от крестовых походов не поддается учету. Варвары Запада, захватывая города передового по экономической культуре Востока, проявляли такой же беспощадный «вандализм», как варвары, вторгавшиеся в начале нашей эры в Римскую империю. Уже после первого похода крестоносцы направили в Европу многочисленные суда, нагруженные шелковыми и шитыми золотом тканями, коврами, драгоценными украшениями, сосудами, пряностями и рабами. Во всякой битве борьба непосредственно, по большей части слишком быстро, сменялась ограблением первых убитых и раненых; при всякой осаде городов и укрепленных лагерей военные действия столь же быстро уступали место бесшабашному разгрому и расхищению домов и палаток—явления, которые нередко имели роковое значение для исхода сражений. Пример подавали рыцари и в особенности главные военные организаторы крестовых походов. Вообще крестоносные армии оперировали таким образом, что для жителей Востока движущие пружины этих походов должны были представляться совершенно такими же, как в свое время для Европы побудительные мотивы германских, гуннских и татарских нашествий.

Но как бы велика ни была военная добыча крестоносцев, ее экономическое значение совершенно ступенькается перед значением длительных территориальных приобретений. Венецианцы в первые же десятилетия крестовых походов получили доли Тира и Сидона и некоторые острова на востоке Средиземного моря, генуэзцы—части Антиохии и Лаодикии, Яффы и Акки, владения в Триполи, на Кипре и т. д.; провансальские города тоже сделали важные приобретения. «Восточный вопрос» того времени получал предварительное решение: крепнущая итальянская и французская торговля с Востоком приобретала собственные опорные пункты,

становилась на свои ноги: найдя «ключ к Востоку», она наносила смертельный удар византийской торговле ¹⁾).

Для историков, которые не отличали объективных задач известного движения от его идеологической формы и его глубоких реальных пружин от того, как представляется оно самим участникам движения, крестовые походы казались бесконечной цепью поразительных стратегических промахов, непостижимых географических наивностей и нескончаемых падений с идеалистической высоты. Взрослые люди посылают безоружных детей против испытанных в боевом деле врагов,—и потом эти дети продаются христианами (главным образом итальянцами) тем самым мусульманам, против которых идут крестоносцы. Армия Людовика Святого при тогдашних путях сообщения прокладывает дорогу к «гробу господню» через Египет. Участники четвертого похода останавливаются, когда им удается разгромить — христианскую Византию (1204 г.).

Но в этом ряде мнимых «случайностей», «недоразумений» и «отклонений» была своя твердая линия, которая шла к решению основных задач тогдашней восточной политики. Итальянские и французские города добывали греческую торговлю, укрепляли и расширяли базис, приобретенный для своей торговли в Леванте, устраняли старые и вновь возникающие помехи ее развитию. Взятие Константинополя и захват значительной части Византийской империи венецианцами и отчасти генуэзцами были совершенно естественным заключительным актом в торжестве итальянской торговли над византийской. Постоянная доставка хлеба и оружия мусульманам была просто одной из обыденнейших торговых операций, не прекращавшихся и во время таких эпизодических событий, как походы в ту или иную часть Леванта. Зарождающийся торговый капитал, поставленный перед грандиозной задачей, не забывал о текущих делах. И даже серьезные военные неудачи он умел использовать для блестящих коммерческих операций.

Крестовые походы экономически были только одной из наиболее бурных стадий того переворота в торговых отношениях, который незаметно подготовлялся уже давно и который продолжался и после этих походов: главные центры средневековой торговли перемещались к Западу, так как Запад от варварских,

¹⁾ С торговым упадком Византии начался экономический упадок и приднепровской Руси. Транзитная область для варяжско-византийской торговли (великий водный путь „из варяг в греки“), киевская Русь, благодаря собственной торговле с византийцами развилась в IX—XI веках в „страну городов“, какую описывают ее те самые арабы, которые поразились преобладанием земледелия в Германии того времени. После того, как центры мировой торговли на Средиземном море переместились к западу и Византия стала терять свое бывшее значение в международной торговле, великий водный путь утратил прежнее экономическое значение, — и уже во второй половине XII века северо-восточная, преимущественно сельскохозяйственная область (Владимиро-Суздальская) получает политический перевес над падающей Киевской областью. Татарское нашествие (вторая четверть XIII века) нашло киевскую Русь внутренне разложившейся, утратившей жизнеспособность, и едва ли встретило такой отпор, как в прежние времена встречали набеги печенегов и половцев.

примитивных, натурально-хозяйственных, экстенсивных форм жизни переходил к таким ступеням экономического развития, которые характеризуются большей интенсивностью и значительной широтой меновых связей (оседлое земледелие с трехпольем в деревне; развитие городов как центров межобластного обмена; обособление и развитие городского ремесла).

Уже через какие-нибудь полвека после первого крестового похода начался расцвет ярмарок Шампани. Представляя нейтральную область, одинаково доступную для итальянских, южно-французских (главным образом провансальских и лангедокских), германских и английских купцов, Шампань на два столетия сделалась центральным пунктом, в котором встречались всевозможные продукты Востока с произведениями окружающих стран Запада. Итальянцы и французы проложили самостоятельный путь в Левант,—и уже не византийцы, а они стали главными посредниками в европейско-левантской торговле. Развитие международных ярмарок Шампани было следствием и выражением упадка Византии как центра международных сношений.

Наибольшие выгоды от перемен в направлении торговых путей извлекали итальянские города, в особенности Венеция и Генуя. В XII—XIII веке они побивают своих конкурентов, Амальфи и Пизу, и до половины XV века фактически монополизируют почти всю торговлю по Средиземному морю. Их торговые суда и караваны поддерживали постоянные сношения с Египтом, Малой Азией, балканскими странами, северными побережьями Черного моря, Персией и Арменией. Но передняя Азия исторически была для итальянских купцов просто этапным пунктом в их движении на Восток. После того, как крестовые походы нанесли страшный удар мусульманской торговле по Средиземному морю, итальянцы поставили своей задачей устранить посредничество арабских купцов и в торговле с такими странами древней культуры, как Индия и Китай. Уже в XIII веке венецианец Марко Поло достиг Китая. Почти одновременно с ним генуэзцы сделали попытку проложить вокруг Африки морской путь в Индостан. Хотя эта идея получила действительное осуществление только через два века (путешествие португальца Васко-де-Гамы в конце XV столетия), предприятие генуэзцев не утрачивает от этого значительности. Оно показывает, как развитие экономических отношений уже в XIII веке подготовляло эпоху великих географических открытий и путешествий. Тот уголок земного шара, на котором разворачивалась средневековая история, становился тесным для европейцев по мере того, как усиливалось выжимание сеньерами ренты, превращающейся в товар, и по мере того, как затруднялись торговые сношения с Востоком, необходимые для превращения этого товара из одной потребительной формы в другую.

Хотя итальянцам не удалось обогнуть Африку, однако уже с XIV века у них установились непосредственные сношения с Индией и Китаем. По суше путь в Китай шел через Тавриз, Самарканд, Кашгар и пустыню Гоби или через Тану, Сарай (ни-

зовья Волги), пересекал Сыр-Дарью и озеро Балкаш. Морской путь, начинаясь Персидским заливом, шел вдоль берегов Персии до Индостана, огибал Индостан, Индокитай с Малаккой и приводил в Кантон и другие города на юге Китая. Если вспомнить, что еще очень недавно весь мир итальянцев ограничивался странами по Средиземному морю, то нельзя не признать, что зародышевые формы торгового капитала вдохнули изумительную смелость в итальянские торговые предприятия, продолжавшие дело крестовых походов.

Но уже в эпоху младенчества торгового капитала развертываются явления, которые как рок тяготеют потом над дальнейшей историей капитала. Передовые по хозяйственному развитию страны втягивают в сеть новых экономических отношений страны отсталые, дают толчок их ускоренному развитию и таким образом сами создают для себя конкурентов, быстрее, чем они, приспособляющихся к новым отношениям; передовые страны сами готовят те перевороты, которые превращают их из передовых стран в страны отсталые.

К концу XIII века Брюгге (во Фландрии) сделался одним из важнейших пунктов итальянской торговли с соседними странами. Местная шерстяная и полотняная промышленность превратила его в центр, где итальянцы закупали продукты, вывозимые на Восток; здесь же совершенно естественно они устраивали и склады привозных товаров. Пока между Италией и Фландрией существовал только сухопутный транспорт, развитие Брюгге не могло быть особенно быстрым. Но возрастающая роль торговли на севере побуждала итальянских купцов искать обходный морской путь вокруг Пиренейского полуострова, — и уже в первые десятилетия XIV века их галеры проходят через Гибралтарский пролив, огибают полуостров, идут вдоль берегов Франции и устанавливают постоянные морские сношения с Фландрией (и с Англией). С этого времени начался быстрый рост торгового значения Брюгге и, как его необходимое следствие, торговый упадок Шампани (со второй половины XIV века). Важнейшие торговые пути центральной и северо-западной Европы от Шампани перестраиваются на Брюгге, и вместе с тем Франция утратила выгоды, вытекавшие из того, что через нее шел транзитный путь европейско-левантской торговли. В этих переменах лежит ключ к объяснению той «национальной ненависти» к итальянцам, которая вскоре охватывает французских феодалов (итальянские походы Франции). Уже в средние века шпига сеньера начала служить интересам национальной торговли и направлялась рукою купца.

Дальнейшая история международной торговли представляет в основных чертах повторение все тех же явлений, но каждый раз на более высоком уровне экономического развития. Подъем Брюгге дал сильный толчок развитию ганзейской торговли, которая сетью своих контор покрыла весь северо-запад Европы. Сначала итальянские, а потом и ганзейские купцы являются в Англию и, опираясь на свои широкие связи, на выработанную